
Преимственность в искусстве познания

*На вопросы журнала отвечает ректор Российского открытого университета, академик Российской академии образования **БОРИС БИМ-БАД***

«ОНС» Борис Михайлович, в чем особенность Российского открытого университета и его отличие от традиционных вузов?

Б. Б. Университет, по нашему мнению,— это место, где делается наука, но весьма своеобразным образом. Она делается благодаря сотрудничеству, так сказать, старых и малых. Молодые ребята включаются в исследование, которое ведет признанный мастер.

«ОНС» Такой как, скажем, Никита Николаевич Моисеев, Игорь Васильевич Бестужев-Лада, другие ваши преподаватели?

Б. Б. Это должен быть признанный, авторитетный ученый, но вовсе не обязательно академик. Он открывает мастерскую, и его конкретное исследование, как правило, междисциплинарное или достаточно новое и смелое—в этом тоже специфика университетской науки — предполагает участие молодых, талантливых и достаточно подготовленных людей. Университетская наука призвана осуществлять преимущество в искусстве познания, она передает традицию исследования с помощью и в ходе самого исследования. Вот почему университетская наука оказалась такой живучей за последнее тысячелетие, вот почему она вытеснила академическую науку практически всюду — за исключением, кажется, нашей страны. Ведь во всем мире сейчас «академиями» называется совсем не то, что у нас. А наша академия подобна той, что была когда-то в Пруссии,— исторический заповедник, музей. Я не хочу сказать, что она плоха, наоборот: она сконцентрировала у себя блестящих ученых, едва ли не лучших, что есть в стране. Но она не отвечает задачам сегодняшнего дня, ее организационная форма устарела.

«ОНС» То есть вы хотите возродить в РОУ традицию «учитель, воспитай ученика», идущую от Древней Греции?

Б. Б. Совершенно верно. Нашими предшественниками вполне можно считать софистов. Ведь у них была замечательная идея — продавать знание, и продавалось оно только тому, кто хотел его приобрести. Но университетская наука — особое знание. Продаются знания о способах получения и перепроверки знания.

Итак, мы строим университет — место, где обучают науке, создавая науку. Один из моих духовных наставников, учитель, которому я многим обязан — Эвальд Васильевич Ильенков,— очень любил образ «кулинарного техникума». Наша задача — ввести на «кухню»; университет — это место, где знакомят с тайнами научной «кухни», притом с тайнами в полном смысле

слова. Тут и наблюдение молодежи за «колдовскими» действиями великого «повара», собиравшего ночные травы, а сейчас под магические заклинания бросающего эти травы в котел, где изготавливается наука... На самом деле здесь подлинные тайны, которые можно познать только действуя. Университетская наука соединяет в себе фундаментальность, инновационность, смелость, новаторство поиска с практической ориентированностью (потому что это «наука на продажу») и с еще одним, пожалуй, важнейшим компонентом — созданием школы, направления, течения, с подчеркнутой заботой о преемственности.

«ОНС» Это предполагает, что к вашим студентам предъявляются особые требования; что они должны при поступлении в РОУ обладать определенным, достаточно высоким уровнем подготовки. Как это сочетается с приемом в РОУ без экзаменов и как обеспечивается высокий уровень абитуриентов?

Б. Б. Собственно говоря, университет — это система мастерских. А то, что мы обычно называем университетом — первый, второй... шестой курс, — все это для нас подготовительные отделения. Университет — это послеузовское образование. Или для очень уж талантливых и ярких людей — более раннее, но все-таки предполагающее тот уровень, о котором вы говорили.

Что же касается наших замечательных «приготовишек», которые, сами того не зная, представляют некоторую культуру, они действительно принимаются без экзаменов, но тем не менее готовятся к своему будущему назначению. Все содержание образования у нас нацелено на задачу университетской науки: прежде всего мы заботимся о введении в научную дискуссию, поэтому такой сильный акцент на историю науки, поэтому такое подчеркивание истории проблем, поэтому такое внимание к методу, к технологиям исследования. У нас ведь есть история методов в каждой из областей знания.

Все, проводящие исследования в университете, готовят для новичков, для начинающих брошюры, в которых рассказывают, почему они занялись этой проблемой и как шло ее изучение. Это в каком-то смысле интроспекция, в каком-то — психология творчества, но прежде всего — история самого познания; она легче объективируется и может быть фиксирована практически любым серьезным и честным исследователем. Ученые пишут брошюры о своих ошибках и заблуждениях, о тупиках, трудностях, о мучениях, о провалах; они делятся самым важным в научном поиске — опытом извлечения знаний из неудач. Кроме того, они специально пишут ту историю метода, о которой я упоминал.

Все это пишется именно для наших слушателей и достаточно популярно, и все это сопряжено с изучением классических текстов. Мы конкретизируем и персонифицируем историю проблем, давая в качестве учебного материала хрестоматии. Одновременно, конечно, дается и что-то типа учебника, но это не учебник в прямом смысле; здесь мы очень расходимся с традиционной системой обучения: у нас почти нет учебников, которые вещают истину в какой-то инстанции...

«ОНС» ...И при этом не могут не быть субъективными. А вы, стало быть, отсылаете своих студентов к классическим текстам...

Б. Б. Мы даем двуединое учебное пособие: некий *vade tecum*, путеводитель по Кордильерам научной литературы, школ, течений, направлений, противоборствующих мнений, т. е. пособие по истории научной дискуссии — это одна сторона. И вторая — реальные, конкретные тексты, которые являются и иллюстрациями, и образцами. Эти тексты воплощают в

себе идею «экземпляльности» образования. Мы пытаемся отыскать образцы целого пласта культуры и видим их в классически ясных, до конца продуманных, а потому, как правило, блистательно написанных, прозрачных, идеально информативных текстах. Мы берем, положим, для ознакомления с творчеством Гегеля его статью «Кто мыслит абстрактно?» как пример удивительно наглядного и образного мышления, казалось бы, самого абстрактного мыслителя в истории человечества. И важно показать, что, с его точки зрения, он мыслит как раз очень конкретно, а абстрактно мыслят только совсем необразованные и необученные люди.

Мы берем образцы предельно честного мышления, всегда отдаем предпочтение текстам, в которых критикуются самомнение, нетерпимость, где сконцентрирован дух науки как очень мужественный дух, выдерживающий постоянное напряжение противоречия, постоянно опробующий себя на противоположную мысль. Я мог бы привести бездну примеров: классические тексты по статистическому методу и его применению в социологии Л. Кетле, лекцию М. Вебера о высшем образовании или отрывок из Сократа, дающий представление о его методе... Во всех этих случаях мы берем образцы тех пластов культуры, в которых высоко ставятся терпимость, терпение, способность не зазнаваться. Мы не можем развивать науку, не показав, что ее героями, основателями, если хотите, движителями являются люди, которые ненавидят и отвергают самомнение.

«ОНС» Очень приятно видеть увлеченного человека, и тем более занятого воспитанием молодежи. Но нет ли в этой увлеченности некоего идеализма? Ведь сейчас, к сожалению, приходится видеть, как падает престиж высшего образования у молодых людей. Если они устремились делать деньги и неохотно идут даже в государственные, бесплатные вузы, то на что может надеяться ваш университет?

Б. Б. Он как раз и надеется на платность. Вы затронули вопрос, который был предметом моих долгих споров с покойным Владимиром Федоровичем Матвеевым¹. И опыт показал, что он был прав, а я — нет. Я тогда уверял, что наше образование должно быть во что бы то ни стало бесплатным, ибо наш девиз — дорогу таланту, а, как известно, талант и деньги соотносятся между собой очень сложно. Матвеев же говорил, что молодежь должна жертвовать, она обязана платить за такую высокую ценность, как образование. Ей необходимо чем-то жертвовать: будь то батоном колбасы или развлечениями, или лишней парой джинсов. И что без этой жертвы человеку придется трудно. Я не послушался его и, когда он умер, а я остался совершенно один и должен был все начинать с азов, провозгласил бесплатное образование.

«ОНС» То есть РОУ поначалу замышлялся как бесплатный университет?

Б. Б. И более того, два с половиной года назад он заявил себя как бесплатный, это была одна из моих тяжелых ошибок. Потому что, когда я вынужден был отказаться от этого принципа, произошли вещи очень болезненные, я был сильно наказан. Я вынужден был отказаться от этого не только и не столько под давлением экономической необходимости, когда вдруг резко возросла цена на бумагу и мои прежние источники дохода истаяли, но и потому, что люди, приходившие к нам учиться, смотрели на нас, как на слуг, которые обязаны им обеспечить то, другое, третье... К нам пришли люди, не готовые к жертве. А ведь это тесно сопряжено: жертва

¹Матвеев В. Ф.— известный педагог и теоретик педагогики, с 1983 по 1988 год главный редактор «Учительской газеты».— *Прим. ред.*

материальная и жертвенность, которой требуют от человека и наука, и вообще духовный поиск.

Когда мы ввели плату — поначалу небольшую, символическую, — к нам пошли совершенно другие люди. Удивительно, как оказался прав Владимир Федорович: например, в аспирантуру технических вузов тогда, два года назад, почти никто не шел, а в объявленные нами аспирантуры пошли охотно, хотя за это надо было платить несколько тысяч. К нам устремились люди, привлеченные именами: скажем, в аспирантуру к профессору В. Осипову записались сразу 17 человек (правда, отобрал он пятерых). Кстати, большая часть той публики, что пришла вначале, постепенно отсеялась. Оказывается, мировая практика платного образования таит в себе мудрость и какие-то глубинные пласты, которые не видны на поверхностный взгляд и неожиданны.

Оказывается, мировой, общечеловеческий опыт превосходит любую индивидуальную мысль. Мы говорили о софистах; вспомним, что именно Сократ первым придумал заключать договор: я тебя научу, а ты мне заплатишь столько-то талантов.

«ОНС» То есть в организационном плане вы используете зарубежный опыт платного образования?

Б. Б. И отечественный опыт тоже.

«ОНС» Но вас не отталкивает то, что эта мировая практика имеет и оборотную сторону? Ведь наличие множества программ, свободный выбор между ними, отсутствие единого обязательного минимума — все это приводит к тому, что, скажем, в США уже говорят о так называемой «вторичной неграмотности», когда человек с дипломом не знает вещей, без которых немислим определенный уровень культуры... Вы не боитесь, что мастер, стремясь передать ученику свое, воспитает узкого специалиста, «подобного флосу»?

Б. Б. Все имеет свои плюсы и минусы. Общая тенденция, похоже, такова: чем богаче страна, тем более узкое специальное образование она дает; она может позволить себе роскошь бесконечно узкой специализации. Но не следует забывать, что эта специализация вырастает на фундаменте совершенно особой подготовки, которая вбирает в себя и ответственность, и самоорганизацию, и способность восполнять пробелы в знаниях, и многое другое. А нам приходится (если говорить о наших «приготовишках») в большей степени все это лепить, создавать заново, нежели опираться на что-то готовое.

Конечно, мы учитываем минусы мировой практики и вводим некий минимум, обязательный для всех наших студентов, — достаточно широкий и фундаментальный «поддон» образования, на котором выстраиваются те или иные специализации. Свобода выбора возможна только после некоторой несвободы, предполагающей общеобразовательный пласт — а он, в свою очередь, призван подвести к сегодняшней научной дискуссии.

«ОНС» Вы раньше сказали о «приготовишках», что видите в них особую культуру. Поясните, пожалуйста, что имеется в виду.

Б. Б. Речь не идет о молодежных субкультурах, хотя в будущем мы надеемся их учитывать. Необходимо опираться на наличную структуру ценностей и интересов, чтобы от них перекинуть мост к другим, новым ценностям и интересам. В этом направлении мы делаем следующее.

Четыре из наших факультетов поначалу очень трудно становились на ноги, несколько раз проваливались. Это факультеты: языков и культуры, социологический, социальных работников и оздоровительной работы и, как ни странно, педагогический. Сейчас эти трудности позади; социологический

факультет теперь очень большой и представлен действительно замечательными мастерами: это и В. Ядов, и О. Шкаратан, и И. Бестужев-Лада, и многие другие. Так вот, этот факультет начинает серию исследований, объектом которых будет наш контингент слушателей. Эти исследования для нашего университета показательны, потому что в них изначально участвуют студенты разного уровня подготовки, выполняя при этом разные части общей работы. Это образец того, как университет приспосабливается к уровню студентов — скорее, чем приспосабливает их к своему уровню требований. Общий смысл — дать студентам возможность самоопределения, осознания себя в культуре. Это и опыт рефлексии: они как бы создают зеркало собственного возраста.

Что же касается культуры в более широком смысле, то ведь в каждом человеке живет необходимая (по А. Платонову: та, которую нельзя обойти) тяга к большой, настоящей и очень честной культуре. Пытаясь создать культуру мысли, спора с собою, внутренней и внешней дискуссии как единственного не разрушающего пути к сознанию, я и опираюсь прежде всего на это заложенное в человеке и порой неосознанное стремление к культуре без купюр. Я думаю, что нам удалось привлечь к себе так много молодежи именно потому, что она чувствует: здесь предлагается культура без обмана, т. е. без цензуры, культура, в равной степени внимательно и честно изучающая тексты Гитлера и деятельность Пол Пота наряду с деятельностью Альенде или, положим, Перикла.

«ОНС» То есть вы пытаетесь дать абсолютно деидеологизированное образование?

Б. Б. В каком-то смысле так. Мне было бы ближе сказать «дедогматизированное». Все нацелено на то, чтобы не было индоктринации, вбивания людей в какую-то систему «бесконечно великих» истин. Одновременно мы стараемся воспитывать уважение к Истине и понимание, что к ней ведет бесконечное количество дорожек, которые могут быть очень трудными. Самое страшное — самонадеянность, самовлюбленность мысли. Именно это наиболее разрушительно, губительно, именно этим люди всегда уничтожали себя, рубили сук, на котором они сидят. Самая большая угроза будущему существованию человечества — самомнение. Ознакомление с Истиной как мучительно жестокий и опасный для человечества процесс призвано противодействовать самонадеянности, самомнению.

«ОНС» Борис Михайлович, пожалуйста, расскажите, какие в РОУ факультеты, как абитуриенты из других городов могут вас найти и поступить к вам учиться.

Б. Б. Сейчас в РОУ 21 факультет, из них подавляющее большинство — гуманитарные. Для простоты перечислю только негуманитарные. Естественно-научный факультет имеет специализации: физика, химия, физика и химия твердого тела, синергетика биологических структур. Физико-энергетический факультет готовит, в частности, инженеров самых разных специализаций. У нас замечательный, очень любимый мною факультет прикладной математики. В каком-то смысле к естественным можно причислить и географический факультет.

Остальные факультеты соответствуют отраслям обществознания и науки о человеке. Они концентрируют внимание вокруг двух проблем: это отечествоведение — разностороннее изучение нашей страны, ее истории, ее сегодняшнего состояния, перспектив — и человековедение в широком смысле, которое вписывает нашу страну в общемировую общественно-исторический

процесс и занято психологией человека, социологией, гражданский историей, юридическими и экономическими проблемами и т. д.

На каждом факультете есть колледжи, которые учат «приготовишек», и мастерские, которые обучают «послеприготовишек» (послебакалавров) и дают магистерскую степень.

Поступить в РОУ очень просто: достаточно прислать заявление и попросить более подробную информацию об университете в целом или об отдельных факультетах по адресу: 115561, Москва, а/я 1, РОУ.

«ОНС» И все же абитуриент должен как-то себя проявить, чтобы поступить к вам? Например, написать какой-то трактат?

Б. Б. Абсолютно не должен. Нам также не нужны: документы об образовании, о состоянии здоровья, о социальном положении, о вменяемости, о месте жительства... Нам абсолютно не важно все, кроме желания человека учиться. Уже на первом курсе становится ясно, к какому из трех главных потоков, имеющихся на каждом факультете, тяготеет тот или иной человек: к подготовишкам в прямом смысле слова, магистрам или аспирантам. Конечно, абитуриенту важно прислать сведения о себе, например такие: «хочу учиться на юридическом факультете и получить специальность правоведа» или «стать юрисконсультom», или «работать в суде»; «закончил такое-то учебное заведение». Всем слушателям мы рассылаем подробные анкеты, которые позволяют многое понять и порекомендовать человеку его исходный уровень обучения. Долгое время мы использовали вступительные сочинения, которые сразу помогали разделить слушателей на три потока. Но потом мы от них отказались: нынешняя почта работает так, что эта переписка откладывает начало занятий на 5—6 месяцев.

«ОНС» А как велика плата за обучение?

Б. Б. На разных факультетах она несколько различается: от 3,5 до 5 тысяч рублей в год; в среднем в месяц приходится платить до 500 рублей. Сюда надо добавить плату за учебные пособия, которая может достигать 200 рублей дважды в год. К сожалению, за обучение иностранным языкам приходится брать дополнительную плату. Сейчас это стоит очень дорого, поэтому университет решил перезачитывать иностранные языки тем, кто ими владеет; кроме того, мы организуем краткосрочные курсы иностранных языков, готовящие к сдаче экзамена экстерном. Мы получили право наряду с собственным дипломом выдавать выпускникам дипломы государственного образца; такое право дается в результате лицензирования, проводимого Госкомитетом по образованию, науке и культуре. Это очень важно, потому что молодые люди учатся не только ради самосовершенствования, но и думают о последующей работе...

«ОНС» Сейчас и государственные вузы не обеспечивают распределения на работу... А какова судьба ваших выпускников?

Б. Б. В определенной степени университет предоставляет возможность небезынтересного трудоустройства. Университет крайне нуждается в подготовке кадров для самого себя. И в наших многочисленных филиалах, и в центре нам нужны преподаватели самых разных дисциплин. Кроме того, мы готовим менеджеров, экономистов, юристов, управленцев разного уровня с тайной надеждой предложить им работу у себя, поскольку большинство подобных специалистов, сотрудничающих с РОУ сейчас, именно сотрудничают с нами, а основную работу имеют в другом месте.

«ОНС» Вы упомянули о филиалах РОУ. В каких городах они имеются?

«Б. Б. Уже в четырнадцать городах. Очень хороший филиал РОУ есть в Нижнем Новгороде — его я бы поставил на первое место. Там великолепная кафедра динамики машин и едва ли не лучшие слависты из тех, кто пришли к нам работать. Хороший филиал у нас в Новосибирске, где интересная кафедра философии, а также в других городах России: Екатеринбурге, Самаре, Глазове и т. д., и даже есть два филиала вне России: в Вильнюсе и близ Самарканда, причем Самаркандский обслуживает четыре среднеазиатские государства, а к Вильнюсскому приглядываются Эстония и особенно Латвия, где много русских. Надо признать, что сейчас для многих русских, живущих вне России, наш университет — одна из больших надежд, ведь у нас практикуется как очное, так и заочное обучение; хотя, честно говоря, переписываться сейчас стало необычайно трудно.

«ОНС» Это все «ближнее» зарубежье, а с «дальним» у вас есть какие-то контакты? Кто-то заинтересовался вашим начинанием?

Б. Б. В Российский открытый университет приезжают учиться многие студенты из Америки. Они изучают Россию: русский язык, историю, литературу, право, экономику, религии, которые здесь исповедуют разные национальности, искусство, архитектуру, нравы, обычаи и т. д. Эти студенты — будущие бизнесмены, которые хотят сотрудничать с Россией, и просто люди, желающие расширить свой кругозор. Благодаря нашим контактам с американскими университетами мы получили право присуждать «кредит-балл», т. е. удостоверить прохождение курса, продвигающее студента к диплому. У нас учатся аспиранты из самых неожиданных стран мира: из Арабских Эмиратов, из Японии и Китая... Кроме того, у нас есть международные мастерские, где и преподаватели, и студенты — как наши, так и иностранцы. Такова, например, мастерская строительного менеджмента; американцы считают строительство отраслью, очень важной для возрождения России, а потому перспективной. У нас есть психолого-педагогическая кафедра, носящая имя Януша Корчака, где работают специалисты из Бразилии, Польши, Германии... Девять стран имеют у нас свою профессию.

«ОНС» Борис Михайлович, в том, что вы рассказали о принципах преподавания в РОУ, есть много общего с тем, как ставятся и решаются проблемы в нашем журнале. Мы принципиально стремимся к плюрализму в науке и ориентируемся не только на громкие имена, а стараемся помочь как можно раньше заявить о себе талантливой научной молодежи. Поэтому можно надеяться, что начавшееся между нами сотрудничество в дальнейшем будет еще более плодотворным. Мы собираемся публиковать достаточно широко и работы ваших преподавателей, и, может быть, наиболее интересно и неординарно мыслящих ваших студентов.

Б. Б. Для нас это большая честь, свидетельство признания. Я вижу, что вы делаете важное дело; ведь XX век, едва ли не самый разрушительный из всех, прожитых человечеством, показал, что быстрейший способ погибнуть — это верить в единственность той истины, носителем которой ты являешься. Поэтому все, что позволяет людям понять, как опасна страна мысли и какой это труд — мысль, — дело спасительное. Честно говоря, мне вообще кажется, что всему человечеству надо сесть за парту.